

ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ

РЕТРО-
ТРИЛЛЕР

ЛОВЦЫ ЧЕРНЫХ ДУШ

ДЕЛО ГЛАЗНИКА

Георгий Персиков
Дело глазника
Серия «Ловцы черных душ.
Ретро-триллер», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403404

*Дело глазника:
ISBN 978-5-17-149940-2*

Аннотация

Провинциальный город Энск сотрясает череда убийств, пугающих своей жестокостью. Установлено, что убийца — одиночка, явно маньяк, отличающийся изощренным садизмом. Его убийства превращаются в жуткий ритуал, и неизвестно, сколько еще людей он должен погубить, чтобы утолить жажду крови.

Местная полиция сбилась с ног в поисках преступника, ведь он хитер и неуловим, а его действия непредсказуемы и лишены видимой логики. Но и медлить нельзя. Для помощи в расследовании из Петербурга прибывает старший агент сыскальной полиции Роман Муромцев, имеющий опыт расследования серийных убийств.

Между сыщиком и преступником начинается жесткая игра, победитель в которой до конца неизвестен.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	61
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Георгий Персиков

Дело глазника

© Г. Персиков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Черный ноябрьский ветер, завывая, проносился по улицам, с разбойничьим посвистом нырял под крыши домов, ледяными пальцами забирался за пазуху к случайным прохожим, норовя украсть последние крохи драгоценного тепла, унесенные из жарко протопленного трактира.

Ближе к ночи к ветру добавился мокрый снег вперемешку с дождем, мгновенно превратив окрестные улицы в студенистое серое болото, чтобы любому стало ясно – не суй нос на улицу. Залепит лицо ледяная слякоть, ветер вытолкнет прочь за околицу, в темную степь, или заморочит, закружит и столкнет с утеса прямо в беспокойную Волгу.

В такой вечер вдруг накатывает пустая, тревожная тоска, и хочется поближе к другим людям, туда, где шумно, где уютно трещит огонь, где прохлада запотевшего штофа и тепло женского тела успокоят сердце, растревоженное черной бурей.

Однако Лея Бронштейн смотрела на бурю сквозь двойное стекло своего будуара безо всякой тревоги, даже напротив, с некоторым торжеством. Публичный дом Леи (сама хозяйка предпочитала называть заведение на французский манер – бордель, хрипло грассируя букву «р») находился на окраине Энска, в соответствующем закону отдалении от ближайшей церкви, и являлся своеобразным форпостом на границе

между каменным центром города и кособокими домишками рабочего квартала, растянувшегося вдоль реки. Здесь раскачивался последний газовый фонарь, здесь же заканчивалась мощеная дорога. По этой причине городовые, что несли свое дежурство на соседней улице, не любили заходить дальше заведения Бронштейн, опасаясь замарать сапоги в грязи, которая на местных улицах иной день доходила выше колена.

Вот и сегодня ненастье заварило ледяную кашу на дорогах, подводы с грузами стояли, окрестные мануфактуры работали вполсилы, а судоходство на Волге и вовсе прекратилось на две недели раньше в связи с непогодой. Теперь все крючники и водники, вдруг оставшиеся без работы с барышом в кармане, спешили в кабак, чтобы прогнать осеннюю сырость из костей, а оттуда, раскрасневшиеся и осмелевшие, прямоком в двухэтажный флигель под одиноким фонарем, где, строго прищурившись, их встречала Лея.

Хозяйка борделя в общении с посетителями проявляла некую смесь материнской заботы и строгости околоточного надзирателя, что, наверное, и было единственно верным решением, когда имеешь дело с подвыпившим рабочим людом, буйным и кротким одновременно. Хаживали к Лее по большей части рабочие с мануфактур, как один одетые по погоде в темно-синие чуйки. Жилистые бородатые крючники из бедных мещан, весь сезон разгружавшие хлеб и прочие товары с волжских барж, тоже были частыми гостями. Хотя, бывало, захаживали и мелкие купчишки, и мещане побога-

че, в жилетах с часовыми цепочками. Их хозяйка привечала особенно, переживая за репутацию заведения и собственную репутацию приличной дамы. Пусть городской лучше наблюдает таких посетителей, чем тех, по кому не разберешь – честный это человек или уголовник.

Всяческих мошенников, бродяг и людей смутных занятий в городе здорово прибавилось после большой выставки в Нижнем Новгороде. Выставка, как и любое многолюдное и денежное предприятие, привлекала, как магнитом, всяческий сброд, норовящий пожить на дармовщинку, стянуть что-то в суматохе или задурить голову честным гражданам. А когда выставка завершилась, многие из них так и осели в окрестных городах, промышляя иногда поденными работами, а иногда кражами, разбоем и прочим лиходейством.

Они обитали в трактирах, на пристанях, на ярмарках и базарах, на темных ночных улицах рабочего квартала, везде, где витал запах наживы и безнаказанности. И всех их, будь они молодые или старые, одеты дорого или в обноски, трезвы или пьяны вдрабадан, объединяло одно – голодный и жадный блеск в глазах.

Вот и сейчас один из таких занимал номер на втором этаже. Хоть и одет он был по-городскому в модный костюм-тройку, но Лею Бронштейн не проведешь – сразу раскусила, что это за тип. Сюртук не сидит – явно с чужого плеча, под жилетом – косоворотка, и штаны в сапоги заправлены, а сапоги без галош! И взгляд все бегаёт, словно потерял

чего. Наглый, как приказчик, а сам по себе то ли карточный шулер, то ли, наоборот, сыскной агент, ясно одно – добра от такого гостя не жди. И девочку выбрал, как назло, новенькую, неопытную.

Вера еще весной устроилась на ткацкую мануфактуру, но дело не пошло, и девушка рассудительно решила, что не стоит гнуть спину с четырех утра и до ночи за десять целковых в месяц, когда можно заработать целый рубль за один вечер, и это не считая подарков и угощений. Пусть даже из каждых пятидесяти заработанных копеек сорок самым обидным образом оседало в цепких пальцах доброй тети Леи, выгода была очевидна. Да еще корсет, чулки, платья в подарок, граммофон, зеркала, обои и купидоны на стенах в салоне, да что тут говорить! Имя Вера взяла себе романтическое и роковое – Калерия, получила у полицмейстера желтый билет и уже две недели постигала нелегкое ремесло публичной женщины. Правда, нрава она была строптивого, но, как говорила многомудрая тетя Лея: «Не можешь кусать – не показывай зубы!» – и характер свой ей приходилось придерживать.

Лея еще раз посмотрела на улицу, где мокрый снег под косым углом лупил по крышам соседних зданий, взглянула на свой немалых размеров нос, отразившийся в оконном стекле, вздохнула, и приятные мысли о грядущем барыше окончательно покинули ее голову. Часы в салоне заскрипели и издали громкий хриплый «Бом-м!».

– Уже пять минут просрочил, холера его возьми! Ведь чу-

яло же мое сердце! Ох-ох...

Хозяйка нахмурилась, воинственно закусила губу и, протиснувшись в дверь будуара, стремительно засеменила по коридору, переваливаясь, как утка, и продолжая бормотать:

– Вот бродяжная морда, тухес в шляпе, лихорадка ему в бок! Сразу, сразу! Сразу я все поняла про него!

Лея прокатилась через салон, и сидящие там в ожидании своей очереди двое бородатых подвыпивших рабочих разом выпрямились, отложили чадающие папиросы и стащили картузы с голов:

– Доброго вечера, Лея Абрамовна!

Она повернулась в ответ, не останавливаясь, одарила их медовой улыбкой и заскрипела по лестнице на второй этаж, где располагалась комната Калерии.

– Сударь! Время вышло! Сударь?

Не дождавшись ответа, Лея приложила к двери ухо, отягощенное массивной рубиновой сережкой. Тишина. Подергала дверь – заперто изнутри. Она шумно выдохнула через нос и принялась долбить в дверь кулаком:

– Сударь! Тут вам не богадельня! Платите еще пятьдесят копеек или освобождайте комнату!

Прислушалась. Снова тишина. На сердце Леи Бронштейн легло дурное предчувствие. Немедля вспомнились недавние слухи про бесноватого, который появился в городе недавно, но уже успел обидеть нескольких девочек, которые работали тайно, без полицейского разрешения. Вспомнились бега-

ющие глазки и грязные сапоги странного гостя. Лея замолотила в дверь с удвоенной силой:

– Калерия! Калерия! Верочка, девочка моя, ты в порядке? Открывай немедленно, душегуб! Не то я сейчас в свисток дуну – через минуту городской прибежит! С шашкой!

Насчет городского с шашкой – это был чистый блеф. Хозяйка борделя прекрасно знала – в такую погоду городской сидит в своей будке за три квартала отсюда, как сыч в дупле, и никакими калачами его оттуда не выманить. Но все же у нее были свои козыри в рукаве.

– Тихон! Тихон, милый! Пойди сюда! Да живет ты, дылда окаянная!

Из привратничкой высунулась косматая голова с виноватой улыбкой, а затем и сам Тихон целиком. Бывший красавец гренадер, Тихон заработал тяжелую контузию на войне с турками, при штурме Плевны и с тех пор слышал и говорил с трудом, а соображал и того хуже. Бездетная и рано овдовевшая Бронштейн вспылала к робкому великану материнской любовью, забрала его из трактира, где он работал поломоем, и поселила при борделе.

Тихон исполнял обязанности швейцара и по совместительству успокаивал всякую бузу, которая частенько случалась с перепившими или просто не слишком дальновидными гостями. Обычно одного вида его кулака размером с астраханскую дыню хватало, чтобы успокоить даже самого лихого забияку.

Здоровяк швейцар жестом осадил разволновавшихся рабочих, ожидавших в салоне, и, прихрамывая, поднялся на второй этаж. Осмотревшись, заметил хозяйкины брови, хмурые соединенные в одну, кулаки, упертые в бедра, запертую дверь и сменил обычное благостное выражение лица на озабоченное. Он уже занес огромный сапожище, чтобы высадить дверь, так докучавшую хозяйке, когда та протестующе замахала руками:

– Стой! Куда ломать-то сразу? Дурак ты и есть! Подожди, тебе говорят!

Лея наклонилась к двери и закричала тоном максимально угрожающим, на какой была способна:

– Последний шанс тебе даю, язва тебя побери! Открывай дверь добром, или...

Тук! Тук! Тук!

Лея, подпрыгнув, отпрянула от двери. Стук, доносившийся из комнаты, был страшный, громкий и настойчивый, словно мертвец колотил из закрытого гроба. Остальные двери на этаже открылись одна за другой, и из-за них повысовывались головы любопытствующих.

Тук! Тук! Тук! Дзин-нь!

Стук повторился, закончившись звуком бьющегося стекла. Хозяйка побледнела и, вцепившись Тихону в рукав, затараторила визгливой скороговоркой:

– Ну что ты встал столбом, олух?! Вышибай эту дверь проклятую немедленно!

Тихон послушно мотнул головой, коротко ухнул и двинул пяткой в дверной замок. Дверь, брызнув щепками, распахнулась, и все вокруг заглушил истошный крик Леи Бронштейн.

Оконная рама, болтаясь под порывом ветра, еще раз издала троекратный стук, разбрасывая осколки стекла. На полу растеклась лужа мокрого снега, керосиновая лампа чуть светила, выхватывая из темноты туалетный столик, сверх всякой меры украшенный завитками и розами, разоренную постель, стул со сложенной одеждой и обнаженный труп Калерии, застывший на полу.

Она лежала, вытянув руки так, словно прыгала в реку с высокого утеса, полные груди разлеглись по сторонам, а волосы разметались, как у горгоны. Рядом, касаясь ее пяток своими, лежал труп шулера. Он вытянулся в такой же странной, принужденной позе, худой и бледный, и вместе они были словно две стрелки на чудовищном циферблате. Но никто не обратил внимания на открытое окно и странное положение трупов, все взгляды притягивало только одно – их головы, аккуратно отделенные от тел и повернутые под жутко симметричными углами, с зияющими кровавыми безднами вместо глаз.

Глава 1

Бесконечная ноябрьская ночь наползала на выстуженный Петербург. Тьма, изгнанная из города на лето, возвращалась, отыгрываясь за долгое свое отсутствие. Каналы набухли от мокрого снега, словно нездоровые темные вены, и вода норовила выплеснуться на камни мостовой, стремясь соприкоснуться с низким, тяжелым небом. В узком просвете между волнами и небом стеной валил густой мокрый снег. Мрак царил везде.

В последние годы Петербург стал еще мрачнее. Он расползлся во все стороны, перемалывая деревянные домики пригородов и покрываясь красно-кирпичными бубонами фабрик и заводов. Дым и смог смешались с болотным туманом, и теперь стало решительно невозможно рассмотреть, что ждет там, впереди.

И из этой мглы, неясный и неопознанный, темной махиной наступал новый век. Он еще плохо был различим, но уже уверенно и нагло сталкивал в бездну век предыдущий, и все летело в нее вверх тормашками под взрывы бомб террористов и рев моторов. А из тумана медленно возникали силуэты всадников, и к знакомым уже Голоду и Войне присоединился новый, на кумачовом коне, и имя этому невиданному всаднику – Революция...

– Иван Дмитриевич?

Будылин с трудом отвел взгляд от темного окна, за которым ветер бесшумно гнал волны по чернеющей Фонтанке. Мрачные, беспокойные мысли сами лезли в голову в такую погоду и покидать ее не хотели. Иван Дмитриевич Будылин работал в сыскной полиции с самого момента ее основания, и борьба со всяческим беспокойством, а также освещение различных мрачных углов человеческой жизни ярким фонарем правосудия стало для него за эти годы не только профессиональным призванием, но и самой его внутренней сутью. И сейчас, будучи уже начальником всего петербургского уголовного сыска, он проливал свет на человеческую натуру на срочном докладе перед двумя важнейшими людьми Петербурга – градоначальником и министром внутренних дел.

– Иван Дмитриевич? Вы упомянули об участившихся случаях душевного помешательства. Потрудитесь объяснить нам с Виктором Вильгельмовичем поподробнее, о чем конкретно идет речь?

Министр, хозяин кабинета в здании у Чернышева моста, в котором и проходила встреча, с легким нетерпением глядел на Будылина, ожидая ответа. Начальник сыска вернул лицу привычное выражение спокойного добродушия, повернулся к мрачно застывшему в кресле градоначальнику и, прокашлявшись, продолжил:

– Как я уже сказал, подобные вспышки обычно не редкость в осеннее время года. Скверные погоды, холод и недостаток солнца действуют угнетающе на душевное здоровье

и часто вызывают обострение или проявляют доселе скрытую болезнь. Но то, что происходит последние несколько лет, никакими сезонными недомоганиями объяснить решительно невозможно. Полюбуйтесь.

Он раскрыл на столе пухлую кожаную папку, приглашая своих высокопоставленных собеседников ознакомиться с содержимым. По сукну немедленно расползлись фотографические карточки, с которых смотрели всевозможные буйно-помешанные, маниики и насильники, педантично составленные Иваном Дмитриевичем в отдельную картотеку. Градоначальник подался вперед из кресла, недоверчиво выгнув бровь, а министр внутренних дел встал у Будылина за спиной, напряженно закручивая свои исполинских размеров седые усы. С карточек на честную компанию глядели скошенные лбы, выпученные глаза, губы, растянутые в темных, безумных улыбках.

– Циркулярные психозы, маниакального характера в основном. Всевозможные виды параноидных расстройств, бред, галлюцинации, аффекты... В основном из Обуховской больницы, но теперь прибавилось и из других...

– Ну что ж, выглядит, конечно же, неприятно, но я не вижу тут больших поводов для тревоги. – Градоначальник задумчиво потер кончик носа, вчитываясь во врачебные каракули. – В конце концов, безумному преступнику куда сложнее скрываться от правосудия и строить свои планы – ибо он, как я уже заметил, безумен! Недуг выдаст его рано или

поздно, ведь не может же совершенно сумасшедший человек разгуливать по улицам, оставаясь никем не замеченным!

— Позвольте не согласиться, — покачал головой Будылин. — Нарушение душевного здоровья далеко не всегда ведет к разрушению мыслительной и логической системы человека, иногда напротив — в мозгу выстраивается новая, патологическая система, по сложности и функциональности не уступающая здоровой, но совершенно аморальная, преступная и безумная по своей сути. Именно преступники такого сорта и представляют собой большую угрозу. Искусно скрывая свой недуг, они способны годами промышлять убийствами, насилием, душегубством, поджогами, днем являясь под маской добропорядочных граждан, а ночами являя свою истинную личину.

Министр, сопя и шевеля своими непомерными бакенбардами — объектом гордости и эпиграмм, перебирал фотокарточки, морщась, если в руки попадалась особенно неприятная физиономия. Наконец он прервался и кинул на Будылина строгий взгляд:

— И что же сыскная часть, Иван Дмитриевич? Неужели у ваших орлов нет управы против этой новой напасти? Почему нам все всегда как снег на голову?! Эх, как будто мало нам было анархистов!

Он в сердцах шлепнул фотокарточки на сукно, словно невезучий игрок. Будылин смиренно выдержал волну начальственного гнева и спокойно возразил:

– Сыскари, филеры, тайные агенты хороши против грабителей, фальшивомонетчиков или бомбистов. Но как использовать их против преступника, не знающего жажды наживы, не имеющего никаких объяснимых мотивов или конкретного плана? Против одиночки, одержимого манией? Обычно полицейскому чину неподвластны загадки современной психиатрии. И это даже тут, в Петербурге. А в иных отдаленных губерниях, столкнувшись с маниаком-садистом, оставляющим за собой изувеченные трупы, народ первым делом бежит громить жидовские лавки, а полиция гоняется за дьяволопоклонниками и раскольниками. Оно, конечно, людей на время успокаивает, но вреда истинному убийце от этого совершенно никакого. Нет, господа, тут нужен новый, особый подход.

– Но не мы же первые столкнулись с подобными ужасами? – Градоначальник осторожно положил лист обратно в папку. – В Европе это давно уже не новость. Несколько лет назад в газетах писали про британского убийцу Джека... э-э... Потрошителя вроде? Там все было как раз так, как вы, Иван Дмитриевич, рассказываете, – случайные жертвы, обезображенные трупы, отсутствие мотива. Его ведь так и не поймали, верно?

– Совершенно верно, Виктор Вильгельмович, весьма наглый негодяй, и очевидно, что совершенно безумный! – оживленно закивал Будылин. – А вот его французский, позвоительно ли сказать, коллега, «убийца пастушек» Джозеф Ва-

шер недавно распрощался с головой на гильотине. Как и американец Генри Холмс – правда, прежде чем этого отправили на виселицу, душегуб успел замучить в своем «отеле смерти» три с лишним сотни мужчин, женщин и детей. Он изготавливал из их трупов анатомические пособия и продавал в медицинские школы; при этом его считали уважаемым человеком, никто даже не думал и заподозрить в этом джентльмене маниака! Об этом вы тоже наверняка читали?

Градоначальник молча покачал головой в ответ. Рядом с ним министр, совершенно красный от гнева, забывшись, закручивал усы до рискованной степени:

– Это абсолютно возмутительные вещи! Позволить случиться чему-то подобному здесь, в России, совершенно недопустимо! Предупредить это безумие – ваш прямой долг!

– Наш прямой долг, – тихо поправил его градоначальник. – Так что, Иван Дмитриевич, вы же не просто так нам сейчас все эти страсти рассказываете. У вас есть какие-то соображения на этот счет? Вы поделитесь, не стесняйтесь.

– Благодарю покорно. – Будылин склонил голову перед градоначальником, поблескивающим из полутьмы кабинета почти десятком орденов и медалей, и продолжил: – Напасть эта для нас новая, неизученная. А на Западе полицейские криминалисты тома целые исписали про всевозможных маниаков, психопатов и массовых расчленителей на почве помешательства. Специальные есть сыщики и консультанты из докторов, даже целые отделы, которые исключительно толь-

ко такими преступниками занимаются и мало-помалу начинают делать успехи. Ключом к поимке преступника становится знание его болезни, погружение в тайну больного рассудка и понимание его извращенной логики. И если уж у французов и американцев получилось, то наши, русские сыски обязаны не ударить в грязь лицом.

Повисла пауза. В тишине градоначальник медленно поднялся из кресла, спросив разрешения у задумавшегося хозяина кабинета, прикурил сигару от зажигалки в виде античного светильника и, стряхнув пылинку с генеральского эполета, сказал, как бы размышляя вслух:

– А ведь это может быть замечательная идея... Антропометрическая лаборатория при сыскной полиции, созданная Грессером, принесла нам немало пользы, не правда ли, Иван Дмитриевич? Что, если нам действительно сделать нечто подобное, но нарочно для поимки душевнобольных преступников и маниаков? И тогда...

Будылин со всем вниманием следил, как градоначальник выпускает струи дыма через черные кавалерийские усы, в ожидании продолжения. Внезапно министр прокашлялся и, недовольно сверкнув глазами, решительно взял инициативу в свои руки:

– Иван Дмитриевич, вот что вам следует сделать незамедлительно. – Он взял Будылина под локоть и увлек в сторону от стола. – Немедленно отрядите самого опытного сыщика, который есть у вас в Петербурге и которому уже дово-

дилось сталкиваться с манаками-душегубами вроде этого Потрошителя. Пускай подберет себе в помощь внештатных агентов для медицинских консультаций и всяческих экспертиз, которые могут понадобиться. Мы создадим целый отдел по расследованию множественных убийств, совершенных душевнобольными. Финансирование... хм... мы обсудим в ближайшее время. Но на всемерную помощь министерства и мою личную протекцию можете рассчитывать уже сейчас. Приступить стоит сегодня же вечером!

– Слушаюсь! – Будылин склонил голову перед министром и принялся собирать фотографии и бумаги обратно в папку.

– Да, и вот еще что...

Министр озабоченно хмыкнул и, обойдя стол по кругу, извлек из ящика рукописный рапорт. Градоначальник, все это время пускавший дымные струи в потолок, оторвался от своего занятия и заинтересованно взглянул на листок.

– Вот, полюбуйтесь, Иван Дмитриевич. Я говорил, что мы не потерпим появления в России подобных безумств и ужасов, и я не шутил. Будем пресекать сразу и на корню! – Министр постучал скрюченным пальцем по бумаге. – Этим делом ваш новый отдел должен заняться в первую очередь. Похоже у нас уже появился-таки свой «потрошитель», ничем не хуже заграничных.

Градоначальник вместе с Будылиным склонился над листом, прищурился, разбирая почерк, и озабоченно поинтересовался:

– Это, часом, не про те самые убийства в Энске, из-за которых государь осерчал сегодня утром? Говорят, так расстроился, что даже к чаю не вышел...

– Те самые, будь они неладны! – недовольно подтвердил министр. – Какая-то чертовщина у них там в Энске, честное слово! Итак, – он вчитался в рапорт, – серия убийств, все в течение последнего месяца, все определенно совершены одним и тем же человеком. Убийца-одиночка, явно маниак, отличающийся особенной жестокостью и некоторыми определенными хирургическими... э-э... способностями. Жертвы разного пола и возраста, никак между собой не связаны. Объединяет их одно – у каждой из них с медицинской аккуратностью отделена голова и из глазницы извлечены глаза.

Будылин нахмурился, разглядывая рапорт:

– Глаза? Интересно... Хирурги, анатомы, служители морга? Они все уже допрошены? В Энске их не так уж и много.

– Да, разумеется. Губернатор там рвет и мечет, местный сыск вверх ногами поставил. Все доктора, вплоть до фельдшеров, а также иудеи, анархисты и вообще все неблагонадежные допрошены с пристрастием, проведены обыски и облавы... Но никаких существенных результатов, увы, добиться не удалось. Остается уповать на помощь профессионалов из столицы, на вас, Иван Дмитриевич, и ваших сыскарей!

Будылин зажал папку под мышкой, еще раз откланялся и вышел.

Здание Министерства внутренних дел у Чернышева мо-

ста, тепло светившее высокими окнами, осталось позади. Впереди беспокойно металась Фонтанка, летел с напором мокрый снег, а вдалеке была только тьма. И в этой тьме он чувствовал – чутье старого сыщика было невозможно обмануть – присутствие чего-то незнакомого и ужасного.

Глава 2

Уже ближе к ночи Будылин, облепленный мокрым снегом и совершенно продрогший, добрался до съезжего дома на Офицерской улице, куда несколько лет назад перевели управление петербургского сыска. Отпустив ошалевшего от ненастья извозчика, сгорбившись, направился к дверям. Мысли о новом маниаке не оставляли его ни на минуту, с тех пор как в министерском кабинете он ознакомился с рапортом начальника энского сыска. Адресованный полицеймейстеру рапорт был щедрым на витиеватые казенные формулировки и становился совсем скудным, когда дело доходило до фактов. Будылин, всю жизнь посвятивший полицейскому сыску, не понаслышке был знаком и с начальственным гневом, и с написанием рапортов, поэтому чувствовал в каждой строчке, что его волжские коллеги до крайности растеряны, сильно злы и недавно крепко получили по шапке. И чтобы не повторить их судьбу, нужно действовать быстро, хладнокровно и наверняка. Значит, требуется сыщик не просто опытный, а необходимо, чтобы он имел опыт специфический, связанный с расследованиями множественных убийств, совершенных маниаками-психопатами...

Будылин перебирал в голове фамилии, прикидывая подходящих кандидатов, когда его едва не затоптала конная пара пожарной команды, вылетевшая из Львиного переулка.

Он успел рассмотреть усатого трубника, выкрикивавшего извинения, приложив ладонь к каске, и экипаж, разбрызгивая слякоть и грохоча бочкой, как шумный вестник несчастья, исчез в снежной пелене. И снова только завывания ветра вокруг. Будылин чертыхнулся и скорее втиснулся через тяжелые двери в спасительное тепло помещения.

Здание на Офицерской улице было известно всему Петербургу. За годы, что здесь находился полицейский участок Казанской части, в его стенах успели побывать знаменитые разбойники, карманники, мошенники, бунтари и душегубы, а также, конечно, и лучшие сыщики, знатоки столичных трущоб. Среди наиболее именитых арестантов значился Иван Тургенев, который почти полвека назад целый месяц томился в полицейском участке. Тут, в одиночной камере, осаждаемый возмущенными поклонниками, он написал свой знаменитый рассказ о безвинно утопленной собачонке.

Освободившись на входе от промокшей шинели и калош, Будылин решительно направился в свой кабинет, шумно сморкаясь на ходу и выжимая от мокрого снега внушительные седые бакенбарды. Полицейский чиновник за конторкой поздоровался и вопросительно посмотрел на спешащего мимо начальника.

– Ларсена ко мне! И Ермолая Осиповича тоже, если он еще здесь! – бросил Будылин, не останавливаясь и уже гулко топоча по лестнице на второй этаж. – Срочно!

Войдя в кабинет, он извлек из-за пазухи чудом спасенную

от сырости папку и со вздохом опустился в кресло. Кабинет начальника сыска был не слишком просторный, достаточно пыльный и не блистал роскошью отделки. Вместо охотничьих трофеев и парадного оружия всю заднюю стену занимал стеллаж, из которого плотно торчали корешки уголовных дел, по большей части расследованных Будылиным и его подчиненными.

Не прошло и минуты, как раздался короткий стук в дверь, и в кабинет проник Ларсен – как всегда собранный и напряженный, словно стальная пружина, облаченный в отлично сшитый костюм-тройку. Ларсен бесстрастно дождался приглашения сесть и привычно опустился в кожаное кресло слева от стола.

Святослав Францевич Ларсен происходил родом из голштинских немцев, предки его переехали в Российскую империю еще вместе с Петром III и с тех пор совершенно обрусели, о чем свидетельствовало не только славянское имя, но и совершенно не по-европейски запальчивый характер Ларсена, который то и дело прорывался наружу через некоторую напускную чопорность. Отец Святослава Францевича, Франц Ларсен, как и его отец, служил в Министерстве юстиции, в свое время даже метил в обер-секретари сената, но не преуспел и преклонные годы провел в должности присяжного поверенного, посвятив себя адвокатуре. Подобной же судьбы он явно желал своему сыну – Святославу, но юный Ларсен готовил для родителя сюрприз.

Едва окончив юридический факультет в Петербурге, Ларсен решительно отверг магистратуру и, к ужасу родни, поступил в полицейскую школу резерва на второе отделение, где вместе с будущими урядниками самозабвенно учился стрелять из револьвера, фехтовать на саблях и задерживать преступников, отчего был счастлив совершенно и ни о какой карьере, кроме карьеры криминального сыщика, слышать не хотел.

Теперь, оставив за плечами пятнадцать лет работы в петербургском сыске, он был матерым профессионалом, помощником самого Будылина. Ларсен, несмотря на его пенсне, всегда аккуратный костюм и вообще крайне ученый вид, мог не только безошибочно цитировать Уголовное уложение и говорить на латыни, но также умел удивить противника молниеносным хуком слева или попасть из револьвера в копейку с двадцати шагов.

– Побывали в министерстве, Иван Дмитриевич? – вежливо поинтересовался Ларсен, указывая взглядом на папку.

Будылин угрюмо кивнул, жестом призвав помощника проявить терпение – снаружи уже были слышны тяжелые шаги и сиплое дыхание Ермолая Осиповича Щекина, второго человека в управлении сыска, без участия которого Будылин сложных решений принимать не любил.

Наконец дверь распахнулась, освобождая дорогу грузному чиновнику. Щекин отдувался и вытирал лицо платком после подъема по лестнице. Он начал свою службу в поли-

ции даже раньше, чем сам Будылин, еще при царе Николае Павловиче, работая сначала писарем, потом делопроизводителем, и мелкими шажками и любезными улыбками за сорок лет дошел до чина коллежского асессора. Щекин был толст, одышлив и добродушен, верность его традициям выражалась не только речами, полными старомодных пассажей, но и сюртуком, который помнил, видимо, еще царя Александра Освободителя. Простое, покрытое крупными оспинами лицо чиновника никак не ассоциировалось с суровыми буднями работников уголовного сыска и чаще всего имело услужливое выражение, на чем не раз и не два обжигались его соперники. На самом деле Ермолай Осипович был хитер, как лиса, многоопытен, как старый змей, и помнил любые мелочи с точностью машины.

Поздоровавшись в перерывах между охами и вздохами, Щекин присел в тяжело скрипнувшее кресло и придал лицу выражение крайней заинтересованности.

Будылин дождался тишины и начал:

– Что же, господа, тянуть не буду. Только что я был у министра, показал ему наш «гостинец». – Он раскрыл лежащую на сукне папку, и оттуда вновь выглянули десятки черно-белых искаженных безумием лиц. – Рад он был, не скрою, как черт Святой Пасхе. «Мало мне, – говорит, – анархистов! Так теперь еще и психопаты на мою голову! Не потерплю! Не допущу!» Думал, удар его хватит, но вроде обошлось...

– Так что же насчет нового отдела, Иван Дмитриевич? –

не выдержал Ларсен. – Дали добро?

– Заботами Виктора Вильгельмовича дали. Указания и благословения получены, финансы обещаны, министр лично приказал незамедлительно приступить к созданию отдела по поимке манаковок... Нет. Как-то глупо звучит. Отдела по сыску психопатов? Еще хуже. Черт! Даже название придумать – уже затея!

– Позвольте заметить, – вмешался Ларсен, – что если мы собираемся создавать отдел с научным подходом, то и название должно это отражать. Предлагаю назвать по букве греческого алфавита – отдел «Пси».

– Отдел «Псих»? – Щекин приложил ладонь к большому отвислому уху и демонстративно поморщился.

– Отдел «Пси»! – нарочито громко повторил Ларсен, выпрямившись, словно проглотил аршин. – Вы, Ермолай Осипович, и в первый раз отлично расслышали!

– Ладно, будет вам, господа! – примирительно поднял руки Будылин. – Господь с ним, с названием. Название приложится, было бы дело. Тут есть задача поважнее, затем я и хотел прежде знать ваше мнение.

– Прежде чем что, Иван Дмитрич? – поинтересовался Щекин.

– Прежде чем назначу начальника в новый отдел. И ошибиться тут никак нельзя. Министр меня тоже без «гостинца» не отпустил, вот, полюбуйтесь! Отдел еще не создан, а первое дело для него – пожалуйте, не завалялось! – Он извлек

из папки страницы рапорта и протянул своим помощникам.

Ларсен поправил пенсне на ястребином носу, взял листы на отлет и принялся сосредоточенно изучать, после чего передал терпеливо ожидавшему Щекину.

– Ну как вам? Информация уже дошла до самого государства! Вообразите, как накрутили хвост министру внутренних дел и что он с нами сотворит, случись нам сесть в лужу!

– Отрезанные головы, извлеченные глаза... Чертовщина какая! – ворчал старый чиновник, прищурившись, разбирая почерк. – Это анатомический театр какой-то, а не убийство. Тут, Иван Дмитрич, с кондачка действовать нельзя. Начальника нужно брать с огро-о-омным опытом, – важно протянул он. – Чтобы знал службу с самых низов.

– Агент Гаубе отлично подойдет, – перебил его Ларсен. – Опытный сыщик. Он работал в экспериментальном физиогномическом отделе у Петра Аполлоновича. И образование у него как раз медицинское. Гаубе – дворянский род, небогатый, но известный своей честностью...

– Известный своей честностью и тем, что их матушка в девичестве звалась Ларсен, вашего батюшки двоюродная сестра, – ехидно продолжил Щекин. – Что же это вы, Святослав Францевич, немецкую родню на государственное жалованье подтягиваете? Присосаться, так сказать, к казенной титке?

– Да как вы... – Ларсен побледнел, вскинул брови, и все его сухое, жилистое тело едва рефлекторно не приняло боксерскую стойку. – Феликс – талантливый сыщик и при этом

медицинский специалист! А остальное тут вовсе ни при чем!

– Ваш Гаубе завалит все дело! Он же только с кадаврами в морге общий язык может найти, а тут нужно людьми руководить! – не унимался Щекин.

– Довольно! – Будылин попытался успокоить надвигающуюся бурю. – Святослав Францевич, вы правы насчет медицинского образования, оно бы, конечно, пригодилось, но Гаубе действительно трудно сходится с людьми, он хорош в одиночной работе. – Он развернулся к Щекину, который немедля придал своему бугристому лицу невинное выражение. – А вы, наверное, хотели предложить нечто весьма полезное?

– Безусловно. – Старый сыскарь подобрался и закивал. – Пантелей Черных, с огромным опытом работник. Всю жизнь на Сенной площади. Скажите, где еще встретишь помешанных и психопатов? Пантелей с посыльного начинал, я много лет его знаю. Есть у него талант – людей понимает и человеческую натуру знает досконально. Вот это дар от Бога, знание души человеческой, а не вся эта заумь немецкая!

– Черных?! – Ларсен отрывисто и зло рассмеялся, так что ему пришлось поправить пенсне. – Он же, простите, лапотъ неотесанный! Три класса гимназии и школа городских! Ему же предстоит маниаков ловить, а не карманников на Сытном рынке. Изошренная психика душевнобольного – это сложная и тонкая вещь. Разобраться в ней может только образованный человек с современным складом ума, а не Черных,

от которого водкой все время несет. И нос у него такой же сизый, как у вас!

Ларсен победоносно указал пальцем на нос старого сыщика, который действительно цветом напоминал спелую сливу. Уязвленный Щекин негодуя затряс брылями и перешел в контратаку:

– Молодой человек! Да будет вам известно, что я потерял здоровье на государственной службе! У меня скверный обмен веществ! А водку я, по настоянию докторов, и вовсе почти не пью уже много лет!

Будылин не смог больше выдерживать происходящее и с резким звуком захлопнул папку, заставив спорщиков замолчать и удивленно обернуться.

– Довольно на сегодня, я думаю, – подчеркнуто спокойно произнес он в наступившей вдруг тишине. – Господа, спасибо вам за ваше мнение. А теперь прошу простить, время уже позднее и голова от ваших криков гудит, как колокол.

Ларсен, выдержав секундную паузу, поднялся из кресла, сухо попрощался и попятился к двери, стреляя взглядом в Щекина. Дождавшись, пока тот выйдет, чиновник покачал головой, встал, отчаянно скрипнув креслом, и тоже направился к выходу, продолжая тяжело вздыхать и качать головой.

Будылин дождался, пока стихнут его шаги и ворчание на лестнице, аккуратно собрал бумаги и, заложив руки за спину, принялся прохаживаться по кабинету взад-вперед. Сы-

щик досадовал на свою ошибку и на забытое обещание самому себе – во избежание подобных инцидентов не сводить своих помощников вместе на расстояние пистолетного выстрела. Удивительным образом двое лучших сотрудников, по отдельности – светлые умы и рассудительные профессионалы, оказавшись рядом, вели себя как кошка с собакой. Он остановился и сокрушенно потряс головой. Нет, конечно же, такие решения нужно принимать только самому и самому нести ответственность за последствия. Он еще раз вздохнул и обратился к стеллажу с полицейским архивом. Будылин осторожно провел пальцем по ряду корешков, словно опасаясь разбудить чудовищ, заключенных в туго набитые папки и пухлые тома закрытых уголовных дел. Чего тут только не было: братоубийства, предательства, самые ужасные проявления человеческой алчности, похоти и злобы. Хватило бы на сотню древнегреческих трагедий. Он с трудом вытащил с полки один из томов и погрузился в чтение.

Глава 3

В дело был вшит номер «Олонецкого альманаха», сразу привлекающий внимание заголовком на первой странице, напечатанным такими большими буквами, что они казались чуть ли не больше названия самого журнала.

ЛЕСТНИЦА СМЕРТИ

Изошренность преступного мышления в наши дни доходит до таких высот, о каких, кажется, невозможно было и помыслить какие-то пятьдесят лет назад, — сетовал автор. — Духовная извращенность недвусмысленно намекает на то, что общество деградирует. И чем дальше, тем страшнее и уродливей становится облик наших сограждан. Стоит оглянуться вокруг, как становится понятно, что растущие сверх всякой меры города, дымы заводов, грохот разъезжающих по мостовым самоходных повозок постепенно приводят к разложению общества. Сама атмосфера российская наполняется вредными, удушливыми миазмами. Сомневаетесь? Так посудите сами!

Всякий житель Сердобольского уезда Выборгской губернии знает, что к северу от порожистой реки Тохмайоки раскинулось бескрайнее море леса, в которое решаются «заплывать» только местные жители да опытные следопыты. Места здесь суровые и

неприветливые. Всяких любопытствующих и праздно гуляющих туристов они не привечают, и даже наоборот – готовы встретить смертоносными топями, незаметно подстерегающими за самого невинного, казалось бы, вида полянкой или опушкой. Так что редакция нашего альманаха настоятельно не рекомендует вам без сопровождающих специалистов посещать сердобольские дикие красоты, даже если вы увлеченный адепт натуроведения, исследователь и первопроходец. А уж с тем ужасом, каковой вскрылся намедни, думается, у вас и самих отпадет всякое желание близко знакомиться с местной природой.

Так что же приключилось?

Как мы уже упоминали, в глубь лесов, растущих на берегах Тохмайоки, рискуют ходить исключительно знающие местность старожилы. К таким специалистам можно смело отнести карела Микко. Это уже немолодой, скупой на слова и эмоции охотник, который всю жизнь прожил неподалеку от мраморного карьера Рускеала и знает окрестности как свои пять пальцев. А то даже и получше.

Известно, что у каждого охотника свои тропки, ориентиры и хитрости, благодаря которым он возвращается домой с добычей. Вот и давеча Микко шел одному ему ведомым путем через болота и чащи, как внезапно услышал кряканье утки чуть южнее своего обычного маршрута. Это показалось ему странным, так как в той стороне были одни лишь топи, в которых отродясь не водилось крупной живности – только

комарье. Другие охотники, насколько знал Микко, в те края тоже не заглядывали. И вообще, места там считались гиблыми. Однако вылазка в этот раз была не слишком удачной, а возвращаться домой с пустыми руками охотник не желал. Так что, как говорится, чем лукавый не шутит? Микко свернул с обычного маршрута и направился в сторону многообещающего кряканья.

Однако, по его словам, чем дальше он отходил от проторенной тропы и чем ближе становилось место, откуда доносились звуки, тем более жутким делалось окружающее пространство. Обычно лес наполнен тысячами шорохов, писков и иных какофоний. Но здесь с каждым шагом лес все больше погружался в молчание. И было сие молчание не умиротворяющей тишиной девственной природы, но безмолвием заброшенного погоста.

Выйдя к топям, Микко остановился. Поначалу от удивления и непонимания, а после уже объятый нутряным ужасом. Ноги не слушались. По собственным словам охотника, он несколько бесконечно долгих минут стоял на краю болота как вкопанный, не в силах поверить собственным глазам. И было от чего ужаснуться! Мостики через топь, обычно выстилаемые деревянными досками, здесь были составлены из костей. «Ну, что ж такого? – спросит читатель. – Мало ли какая нужда толкнула местных жителей использовать кости взамен дерева. Зверья в лесах полно. Может, такое решение и вышло более простым и

выгодным». Может, и вышло бы, дорогой читатель, если бы не одно обстоятельство, от которого кровь начинает стечь в жилах.

Микко, как мы уже сообщали, был весьма опытным охотником, да и лет ему набежало порядочно, так что повидать на своем веку довелось всякого. И, стоя на краю болота и глядя на диковинные мостки, он безошибочно определил, что удивительный строительный материал не просто останки местных животных. Это **людские кости!** По свидетельствам более поздних очевидцев и по следственным материалам, на болоте было обнаружено немало и человеческих черепов. Но вернемся пока к нашему охотнику.

Как только Микко утвердился в своем жутком открытии, он тут же забыл и об утином кряканье, и о неудавшейся охоте. Не помня себя от ужаса, старый следопыт бросился назад в поселок, где первым делом сообщил о своей кошмарной находке старосте.

Тот немедленно известил урядника, и на место была выслана бригада, чтоб удостовериться в истинности сообщенной Микко информации. А когда все подтвердилось, перед руководством поселка, да и всего уезда встал огромный вопрос: что делать? До сего момента местному отделению полиции не приходилось сталкиваться с подобной аномалией, а потому и разумной программы действий найти не удавалось. Руководству не осталось ничего иного, как просить помощи в губернском управлении. Однако

и там не смогли решить, как поступить в такой нестандартной ситуации, а потому направили запрос в Санкт-Петербург.

В столице обращение сердобольцев тут же адресовали в управление сыскной полиции, где очень быстро дали ответ: в Сердобольский уезд Выборгской губернии направляется старший агент сыскной полиции Роман Мирославович Муромцев.

Весьма вероятно, что сие имя уже знакомо читателю, в особенности коли он следит за отечественной уголовной хроникой. И в таком случае господин Муромцев в представлении не нуждается. Однако же для тех, кто не столь близко знаком с внутренней «кухней» сыского дела, поясним: Роман Мирославович не просто сыскарь или мелкий конторский штафирка, коих в полиции сотни. Нет. Муромцев, можно сказать, звезда, гений, на чьем счету уже более десятка раскрытых убийств. Он легко мог бы быть прототипом хитроумного мсье Лекока, если бы Эмиль Габорио – создатель этого персонажа – проживал в наших широтах. И то, что «дело о сердобольских костях» поручили именно ему, говорит о важности, необычности и трудности данного расследования.

Первыми подозреваемыми, кои появились в списке следователя, закономерно стали некоторые представители местных карельских общин. Так как общеизвестно, что многие из них не распрощались со своим богомерзким языческим наследием. А значит, обнаруженные на болотах кости вполне могли быть

остатками человеческих жертвоприношений какому-нибудь хтоническому ящеру, каковой, как считают эти отступники, живет в топях.

В ходе разработки этой версии был допрошен и местный саамский колдун – войт. Как ни странно, но он оказался человеком весьма образованным (получил в Финляндии диплом учителя) и рассказал, что некогда в здешних местах и правда бытовали странные верования. Некоторые маргинальные группы поклонялись темным сущностям в ипостаси лесных духов, подводных тварей или даже мороза. Но такая практика осталась в далеком прошлом. Теперь если уж кто из карелов и веровал во что-то, кроме Господа нашего Иисуса Христа, то в основном сии культы связаны с солнцем. Также войт заявил, что мостки из костей не могут иметь отношения даже к тем самым темным обрядам, так как по ним жертву духам должны были либо топить в болоте, либо привязывать к дереву, чтобы замерзла. Но строить из костей мостки? Нет, это решительно никак не вяжется даже с самыми древними практиками.

Пока шли допросы колдуна, в лесах, поблизости от места, где были обнаружены первые костяные мостки, проводились поиски, и нашлось еще множество подобных «построек». Основную их часть составляли руки и ноги разной степени разложения. Подсчет костей позволил установить, что общая численность погибших составляет двадцать пять человек. Возраст разный, но все взрослые. Детей, благодарение Всевышнему, среди

жертв не оказалось.

Когда слух о количестве невинно убиенных просочился за стены морга и местного полицейского управления, в окрестностях закономерно началась паника. Люди в ужасе стали прятаться по домам, запирали двери на все замки и даже отказывались выходить на работу. Отчего на близлежащих мраморных карьерах банально стало некому добывать камень. Подобное положение дел вызвало срочный циркуляр из Петербурга, строго наказывающий разрешить вопрос в кратчайшие сроки.

Следствию пришлось прибавить ходу. Людей не хватало, однако Муромцев выжимал из местной полиции все соки, работа шла почти круглосуточно.

Задержанного колдуна привезли на место, чтобы провести следственный эксперимент. Осмотревшись, он резонно заметил, что двадцать пять человек – это огромное количество для здешних поселений. Пропажа такого числа людей не могла бы остаться незамеченной. Также воит отметил, что кости в мостках уложены чересчур ровно, параллельно друг другу, на одинаковом расстоянии и перпендикулярно направлению движения. Местные никогда бы так мостки класть не стали. Для малообразованных жителей близлежащих поселков такая точная геометрия просто ненужная трата сил и времени.

Старший агент сыскной полиции согласился с задержанным, и версия о ритуальном убийстве была следствием отброшена.

Принимал участие в расследовании и еще один интересный человек, помимо петербургской звезды, столичный гость – священник отец Глеб. Он как раз оказался проездом в Петрозаводске, когда туда дошли слухи о чудовищном преступлении в Сердобольском уезде. Недолго думая, божий человек оставил свои дела и приехал к месту расследования, дабы отпеть и упокоить души невинно убиенных.

Так и оказались в один из вечеров за столом отца Феофана – местного батюшки – старший агент сыскной полиции и священник. Само собой, беседа быстро перешла к обсуждению громкого дела, которое к тому же с ходом расследования вызывало все больше вопросов, чем приносило ответов.

Муромцев поделился наблюдением войта о слишком аккуратно уложенных деталях мостков и задался закономерным вопросом:

– Что же это может быть, если не мостки? Дощечки на заборе?

– Шпалы, – подхватил отец Глеб. – Ступеньки веревочной лестницы.

И, прежде чем Роман Мирославович успел возразить, священник добавил, что окормляет в столице дом умалишенных при храмовой больнице и за время своей работы не раз замечал, что мании душевнобольных могут создавать весьма странные картины мира. И некоторые из пациентов изо всех сил стремятся эту странность исправить. К примеру, учитель геометрии решает задачу, созданную его

патологическим воображением, при помощи наказания учеников. Или помешавшийся подрядчик строит железную дорогу из конечностей бестолковых, по его мнению, рабочих.

На последних словах, по свидетельствам присутствующих, хозяин дома отец Феофан аж чаем поперхнулся.

– Откуда вам про дорогу ведомо? – удивленно спросил он. – Строим мы дорогу, да. До мраморного карьера. Местные, правда, строить не идут, говорят, места там нехорошие. Так приходится нанимать чужь всякую – финнов, лапландцев. Только сладу с ними никакого, работают токмо из-под палки, так что тянется это все уже ого-го... Чувствую, полетят скоро головы ответственных...

– А кто ответственный? – оживившись, спросил Муромцев.

– Так из наших же и есть. Инженер. Как его?.. Ерохин, кажись. Петр. Ну да.

Не откладывая дела в долгий ящик, старший агент сыскной полиции вместе с отцом Глебом прыгнули в повозку, даже не закончивши ужина, и помчались по грязи и непогоде по новому следу. А ехать до Ерохина оказалось неблизко – двадцать верст. Однако это обстоятельство не остановило почуявших след ищеек.

Добрались до места они через пару часов, и обнаружилось, что проживает инженер Ерохин в деревянной времянке, которая вполне ему соответствует (ну, или он ей). Встретил неожиданных

гостей хозяин пьяной руганью, которая стихла лишь тогда, когда Муромцев ткнул ему в нос свои документы. Тогда Ерохин сразу раскис и начал лепетать, что, мол, да, он и есть местный инженер путей сообщения. Надзирает за постройкой узкоколейки до мраморного карьера. Только карты проложили неверно – там одни болота по пути. Да еще чухонцы эти. По-русски ни бельмеса не понимают, валенками прикидываются, ни работы с ними, ни сладу. И при таком раскладе с него – Петра Ерохина – начальство скоро голову снимет.

Слушая этот поток жалоб, Роман Мирославович уже собирался оборвать плакальщика, когда отец Глеб шепотом попросил оставить его с инженером наедине.

– Тише-тише, сын мой, – услышал следователь перед тем, как закрыл за собой дверь. – Исповедайся, сними грех с души, и Господь не оставит тебя.

Через некоторое время бормотание, доносящееся из избы, сменилось плачем, который затем перешел в надрывный крик:

– Я всех порешил! В беспамятстве я был!

Ерохина арестовали и по постановлению суда признали недееспособным. Нынче он приписан к клинике душевнобольных, где и обретается на казенном довольствии.

Раскрытие такого громкого, сложного и ужасающего дела стало новым свидетельством триумфа столичного уголовного сыска в лице старшего агента Муромцева. А также засвидетельствовало важность знания человеческой души, которое и стало ключом к разгадке,

за что отдельная благодарность от всего Сердобольского
уезда отцу Глебу.

Глава 4

Нанятая Будылиным пролетка свернула с Забалканского проспекта и, разбрызгивая грязь, двинулась дальше на юг. Воздух пах оттепелью. Московское шоссе, широкое и бесприютное, тянулось в обе стороны, пропадая в пелене мельчайшего морозящего дождя. Иван Дмитриевич сидел нахохлившись, как филин, ежеминутно растирая покрасневший нос. Шуба, которой он был укрыт, стремительно напитывалась влагой, а суконная верхушка шапки извозчика, маячившая перед лицом пассажира, потемнела и сплющилась. Будылин, преодолевая сырость и тряску, использовал время, оставшееся перед встречей, чтобы упорядочить свои мысли и еще раз убедиться в правильности принятого решения. В свое время он продвинулся по службе и теперь успешно руководил сыском в огромной, кишасей преступниками столице именно благодаря своей способности вгрызаться в расследование, как бульдог, и не разжимать челюстей, пока преступник не пойман. Но не всякую проблему можно решить самому, иногда нужно найти человека, которому можно полностью доверять, и это всегда было самым сложным для пожилого сыщика. Воспоминания поначалу привычно крутились вокруг последних громких дел, связанных с убийцами-маниаками, в сотый раз пытаясь выискать упущенные и скрытые детали, но позже, когда ход пролетки стал ровнее,

старческая дальноркость его памяти взяла верх, и перед глазами всплыли картины далекого прошлого, когда он сам, еще молодой начинающий сыщик, нарядившись в синий армяк извозчика, крался в логово банды убийц-душителей, зажав кастет в рукавице.

Коляску потрянуло, извозчик заковыристо матюгнулся и свернул на раскисший проселок, ведущий к усадьбе Муромцева. За время дороги дождь прекратился, облака немного разошлись, и низкое северное солнце слепило глаза. Будылин отпустил пролетку и дальше пошел пешком, разминая ноги и поскальзываясь на островках льда. Листва с деревьев уже совершенно облетела, и вся усадьба была хорошо видна с дороги: небольшой домик в четыре окна с прилепившейся сзади банькой, сарай и огород, отделенные аккуратным фруктовым садом. В этом саду, среди обнаженных яблонь, работник – пожилой мужик с торчащей жидкой бороденкой – укрывал на зиму кусты роз, обвязывая их густо-зеленым душистым лапником. Мужичонка-садовник суетился, стараясь успеть закончить дело, прежде чем вернется непогода, и в спешке криво наматывал бечевку, из-за чего укрытие выходило худое и перекошенное. Стоявший рядом высокий мужчина в наброшенном на плечи тулупе повернулся спиной к дороге, так что ясно была видна только его рука, требовательно указующая на куст.

– Веня, голубчик, так же совершенно никуда не годится! Ну это же тебе не черная сморода! Нужно вязать туго, что-

бы мышь не пролезла, иначе просто погубим растения, как в прошлом году. Здесь вот! – озябший палец ткнул в прореху среди еловых ветвей. – И вот здесь еще!

– Так надо было сажать сорт Грутендорст, как у людей! Его вообще укрывать не надо! – не выдержал садовник. Отбросив ветку, он распрямился и с вызовом посмотрел на мужчину, бородака его тряслась от раздражения. – Послушали бы хоть раз доброго совета! Погоды, вы гляньте, какие стоят! Чай, не Баден-Баден...

– И еще с этой стороны, – невозмутимо продолжал хозяин усадьбы, указывая пальцем. – И те два куста у ограды тоже.

Мужик, прищурившись, попытался пересилить взгляд, но спустя мгновение плюнул, вытер нос рукавицей и принялся ожесточенно заматывать непокорную розу, возмущенно бормоча что-то под нос.

Будылин свернул с дороги и, балансируя руками, спустился по обледелой горке к изгороди. В предвкушении встречи лицо его приняло приятное выражение:

– Роман Мирославович! Здравствуйте!

Мужчина медленно обернулся и растерянно уставился на Будылина, словно с трудом припоминая старого знакомого. Ему было за сорок, темно-русые, слегка поредевшие волосы зачесаны назад, проседь в аккуратной бородаке и усах. Под тулупом Муромцев был одет в домашний вельветовый костюм, слегка лоснящийся на коленях.

Пауза затягивалась.

– Что же вы, неужели старика даже на чай не пригласите? – с деланным укором удивился Будылин, цепляясь рукой за калитку, чтобы не поскользнуться.

– Иван Дмитриевич? – наконец очнулся Муромцев. – Здравствуйте. Простите меня. Проходите, конечно, сейчас я отопру. Ох, я вижу вы совсем продрогли, пойдемте скорее в тепло. – Он повел гостя по расчищенной дорожке в сторону дома.

В доме было жарко натоплено и уютно пахло дымком. Гостиная хранила следы лаконичного быта, свойственного отставным военным или просто одиноким мужчинам, не чуждым порядка и аккуратности. Вся мебель, кроме кресла, тахты и двух стульев у круглого обеденного стола, стояла в чехах, было чисто, светло и пусто. Муромцев оставил гостя медленно отогреваться в кресле и торопливо ушел куда-то. Будылин проводил его пристальным взглядом и еще раз задумался о предстоящем разговоре. Роман Муромцев оставил работу в сыске внезапно, при драматических обстоятельствах. С тех пор прошло уже несколько лет, которые он провел как отшельник здесь, в своем домике неподалеку от Гатчины, и что теперь происходило в одной из светлейших голов петербургской полиции, оставалось загадкой.

За дверью что-то звякнуло, покатилося, послышались голоса, и хозяин дома отворил дверь, пропуская пожилую кухарку, осторожно несущую поднос с дымящимся жестяным кофейником. Бывшие коллеги долго усаживались за стол,

звения блюдами и отодвигая стулья, угощения были самые немудреные – баранки, хлеб, крыжовенное варенье в вазочке с отколотым краем.

Муромцев, крепкий и широкоплечий, такой же, каким он запомнился Будылину при последней встрече, возвышался над столом, потчuya гостя с несколько преувеличенным усердием. Он действительно напоминал бы почтенного военного на пенсии, если бы не странная растерянность в манерах и взгляд такой, словно хозяин бесконечно пытался припомнить какое-то важное обстоятельство, которое неизменно ускользало из его памяти.

– Сахару, Иван Дмитриевич?

– Благодарствую, да вы же только что предлагали. – Будылин нетерпеливо покосился на кухарку, выжидая, пока она, охая и скрипя половицами, не удалилась за дверь.

– Так что же, э-э... как идут дела в Петербурге? – опередил его Муромцев, изображая оживленный интерес.

– Ветры дуют, министры лютуют, – пожал плечами начальник сыска и шумно отхлебнул горячий кофе. – Никакого недостатка в душегубах, грабителях и мошенниках по-прежнему не наблюдается. Да что там Петербург, бог с ним, – раздраженно поморщился он, словно застигнутый внезапным приступом зубной боли. – Расскажите лучше вы, как жите в отставке? Пенсию вам перечисляют исправно?

Будылин отодвинул чашку и, поигрывая ложечкой, выжидательно посмотрел на отставного сыщика. Вся обстановка

дома, как бы тот ни пытался это скрыть, указывала на давнюю нужду и строгую экономию, которую соблюдал хозяин.

Муромцев долго молчал, растирая лоб, потом наконец ответил рассеянно, будто на секунду потеряв нить разговора:

– Пенсию? Ах да, платят... Платят исправно, все в срок, спасибо за хлопоты, Иван Дмитриевич. – Он с усилием разломал очерстневшую баранку и принялся задумчиво макать ее в чашку. – Житье не сахар, врать не буду, скука смертная тут. Но как мне жаловаться? Нужно Господа благодарить, что вообще жив остался. Вот... огородничаю потихоньку, за садом стараюсь ухаживать. Вот прошлой зимой три куста роз померзли, а в этом году еще хуже мороз обещают...

– Что же, и на лечение хватает? – недоверчиво переспросил Будылин, еще раз оглядывая издавшие виды обои в синеватый цветочек и разномастную посуду, ютившуюся на столе, словно остатки разбитой армии. – И твое, и Ксении?

– Мое и Ксении? – бессмысленно повторил Муромцев. Его лицо на мгновение приобрело отрешенное выражение, а кусок баранки выскользнул из пальцев и канул на дно чашки. – Да... Да, хватает по большей части... Помогало бы оно, это лечение! Доктора хорошо умеют только деньги брать да головой качать. Выписали новые лекарства вот... Предлагают снова настойку опия, и еще это... как его?.. Да как же называется, черт его возьми совсем... – Он нахмурился от досады и снова принялся растирать ладонью лоб. – Как же... Да... Да, лечение стало дорого... Требуется средств немалых,

надо признать, — сдался наконец Муромцев, опустив голову.

— Вам, я вижу, рана не дает покоя? — осторожно спросил Будылин.

— Рана? — Муромцев поспешно убрал руку, которой привычным движением начал было массировать лоб. — Да нет, что вы. Уже намного лучше. Почти не беспокоит.

— Вот как? Ладно...

Повисло неловкое молчание. Начальник сыска колебался. Было горько это признать, но один из его лучших следователей, видимо, так и не смог до конца оправиться от произошедшего. Это был все тот же Роман Муромцев, серьезный, надежный, опытный сыщик, но втравливать его в этот переплет сейчас, когда он так уязвим, означало подвергнуть смертельному риску и следователя, и все дело. Но Муромцев идеально подходил для этого задания, на кого еще он мог положиться? Нет. Слишком опасно, нельзя заставлять его так рисковать, это будет просто нечестно.

— Ладно... Ну что же, Роман Мирославович, приятно было повидать старого коллегу, но пора мне и честь знать. — Будылин встал, оглушительно скрипнув стулом, и похлопал себя по карманам. — Может статься, успею еще на вечерний поезд, чтобы в пролетке кости не морозить. Ах да, вот голова дырявая! Забыл, зачем приезжал! Вот... Вот, это вам пришло от полицейского управления. Это... э-э... по ветеранской части вспоможение пришло, я лично решил привезти, заодно и проведать вас. Возьмите!

– Да разве делают так? А в ведомости расписаться разве не нужно? – Муромцев недоуменно рассматривал бежевую сторублевую ассигнацию, лежащую на столе. – Как же это, без ведомости?..

– Ведомость? Ну что же вы, бросьте вы эту бюрократию! Берите, берите!

Будылин попытался скрыть смущение, но хозяин дома смотрел на него пронзительно, с каким-то острым и сложным чувством, так что старый сыщик не выдержал и, пряча глаза, отступил к двери.

– Роман Мирославович, это для лечения вам весьма пригодится, возьмите, пожалуйста, – добавил он уже тише с умоляющими нотками в голосе, и Муромцев, опустив глаза, запихнул ассигнацию в оттянутый вельветовый карман.

Посидев еще секунду с опущенной головой, он вдруг неожиданно порывисто встал, в три шага догнал Будылина в дверях и с жаром обратился к нему:

– Иван Дмитриевич, постойте. Я же все понимаю. Вы думаете, что я не в себе? Что я больше не гожусь ни на что, что я инвалид теперь из-за этого! – он постучал указательным пальцем по виску. – Но все не так. Если бы мне только вернуться к работе. Необязательно сыщиком даже... Да хоть писарем! Лишь бы мозгам дать дело! Бездействие мне хуже любых ранений, это от него моя голова отказывается! Иван Дмитриевич, окажите содействие, будьте милостивы. Вы же сюда не деньги раздавать приехали, вы же предложить мне

что-то хотели, дело какое-то? Верно? Я это сразу по вам заметил. Что же вы молчите?

Будылин стоял, привалившись к дверному косяку, и на лице его играла неожиданная мягкая улыбка.

Глава 5

Лечебница для душевнобольных на пересечении Мойки и реки Пряжки разрасталась год от года, пристраивались новые флигели, прибывали новые пациенты, ширился штат врачей. Теперь это был уже настоящий маленький городок, с раннего утра кутившийся десятками печных труб, наполненный запахами кухни и карболки, окриками служащих, скрипом каталок и гомоном пациентов.

Но в кабинете отца Глеба, располагавшемся в дальнем крыле главного здания, обычно царили относительная тишина и покой. Лишь сегодня они были нарушены визитом старого коллеги отца Глеба – доктора Михаила Андреевича Груздя. И как всегда во время подобных визитов, мирная беседа быстро переросла в привычный спор.

Желтоватый вытертый паркет отчаянно скрипел и стонал под каблуками пожилого доктора, пока тот напряженно расхаживал по кабинету – от двери до окна и обратно, снова и снова. Нос и борода его находились в постоянном движении, сопровождавшем усиленные раздумья.

– Ну хорошо, допустим. Я понимаю, что это ваш долг – защищать заблудшие души. Но если оставить все эти художественные рассуждения и красивые метафоры, мы увидим лишь умалишенных, несчастных людей, потерявших социальный облик. Под влиянием злокачественных процессов,

происходящих в мозге, они становятся форменными чудовищами, лишенными морали и рассудка. И я... – Доктор неожиданно остановился и развернулся к собеседнику. – Я хочу дать им последний шанс принести пользу обществу, шанс поучаствовать в научном медицинском прогрессе и помочь пролить свет на тайны человеческого сознания! А вы, батюшка? Что вы можете им предложить?

– Возможность прийти к Господу, спастись самим и спасти других несчастных. Не так уж и мало, я думаю.

Отец Глеб смотрел на доктора совершенно серьезно, но морщинки в уголках глаз, как всегда, прятали улыбку, что придавало его словам некоторую особенную мягкость, которой было очень тяжело противостоять горячими аргументами и напором. Поэтому доктор Груздь устало выдохнул, привалился к стене и принялся протирать пенсне краем халата, приготавливаясь зайти на неприступного священника с другого фланга.

Михаил Андреевич Груздь работал в лечебнице для душевнобольных при храме Николая Чудотворца с тех пор, как десять лет назад ее передали в городское управление, и за это время успел узнать отца Глеба вполне хорошо, но все же не мог удержаться от соблазна поспорить с ним и делал это при всякой возможности.

– Слова, слова... – Он вытер слезящиеся от простуды глаза и решительно нацепил пенсне обратно. – Ваши подопечные банально галлюцинируют, а вам чудится божественное

откровение. Страдающие идеофренией или *delirium tremens* чаще всего наблюдают чертей, призраков и прочую нечисть, но ангелы, пророки или даже небесное воинство во всей славе тоже не редкость. Я же говорю о вполне конкретных и научно обоснованных практиках.

Священник выслушал эту возмутительную речь в полном спокойствии. Высокий и подтянутый, облаченный в строгий серый подрясник, он был почти что ровесником доктора Груздя, но казался намного моложе благодаря легким движениям и ясному, внимательному взгляду.

– А вы сами с ними побеседуйте, Михаил Андреевич, – неожиданно предложил он. – Узнайте, что сами больные про это думают. Человеческое слово способно на многое, если за ним стоят истинная вера и любовь. Оно исцеляет и приносит облегчение. Это истерзанные умы, измученные души, многие из них в ужасе от содеянного и искренне стремятся к покаянию. Мы с вами не имеем права отказывать им в этом. А ваши «практики», может, и имеют большую ценность для науки, но по сути своей являются жесточайшими пытками. Электрический ток, трепанации...

– Во-первых, – перебил его доктор, выставляя вверх толстый, поросший седыми волосками палец, – я не собираюсь советоваться с умалишенными по поводу методов лечения. Это антинаучно и просто-напросто смешно. Это вы тут кормите паству и можете позволить себе проповедовать как вам вздумается, а я врач и должен действовать объяс-

нимыми методами и в соответствии с профессией. Во-вторых, – он с торжествующим видом отогнул второй палец, – ваше преподобие, как же вы предлагаете развивать науку, если мы не сможем работать непосредственно с объектом исследований? Для изучения недугов подобного рода необходим опытный материал, а именно пораженный болезнью, патологический человеческий мозг. А найти такую штуку невозможно нигде, кроме как в голове душевнобольного. И что же вы прикажете делать?

– То, что должен делать врач, – пожал плечами отец Глеб, отодвинул занавеску и невозмутимо принялся поливать фикус, приунывший на широком подоконнике, – облегчать страдания, спасать жизни. Причинять боль, если это необходимо, чтобы помочь человеку. Но истязать и калечить живых людей, только чтобы твоим именем назвали новый синдром... или, еще хуже, чтобы посрамить более удачливого коллегу... – Священник, даже не оборачиваясь, почувствовал, как наливаются кровью уши его собеседника. Тем не менее осторожно отставил в сторону фаянсовый чайничек и начал бережно протирать запыленные листья влажным тампоном, хмурясь, если попадались засохший побег или темное пятно. – Тут благословения не ждите. Господь помогает, если дело с любовью делают и для человека. Любое дело – и пшеницу растить, и кафтан сшить и научное открытие совершить. А если на душе гордыня одна, если знание, как идол, в красном углу вместо образа стоит – значит, не

от Господа оно пришло. Такая наука, как у вас, Михаил Андреевич, другим помощникам больше по нраву.

– Ну полно вам, отец Глеб, полно! Сначала вы меня каким-то мясником хотели представить, теперь черта мне в помощники сватаете! – взорвался наконец доктор Груздь, до этого молча копивший раздражение. – Я, и вам это известно, уже много лет работаю в лечебнице при исправительном заведении и все это время занимаюсь в основном острыми параноидными психозами и прочими буйнопомешательствами. Я всякого повидал: садистов, расчленителей, людоедов, насильников, детоубийц. Столько горя, столько звериной жестокости, отвратительной похоти и подлейших человеческих проявлений... Все, что я хочу, – найти корень этого порока и искоренить его навсегда. – Врач устало опустил-ся на подоконник рядом с фикусом и со вздохом вытянул ноги. – Избавить общество от этой напасти. Поймите, те, о ком вы так печетесь, со временем должны просто исчезнуть как сорт человека. Уже сейчас мы знаем, что склонности к насилию, сопряженные с тяжелым слабоумием и буйнопомешательством, – все это во многом результат дурной наследственности. Все, что нам нужно, это провести определенную селекцию... – Доктор протянул руку, отщипнул от фикуса подгнивший листок и растер его между толстыми пальцами, потянулся было за следующим, но, поймав неодобрительный взгляд отца Глеба, поспешно продолжил: – Если этого не сделать, тогда все общество скоро окажется в опасности. Вы же

видите, что творится! Количество случаев психических расстройств растет с каждым годом. Маниаки и психопаты плодятся в этом городе, как тараканы под комодом. Когда эта лечебница открылась, в исправительном заведении содержалось двадцать пять пациентов, а сейчас их уже почти семь сотен, при том что палаты рассчитаны на вдвое меньшее количество. Больных селим в хозяйственных помещениях!

– Да, мрачное время началось, – хмуро согласился священник, – и виной всему все та же гордыня. Человек решил, что он может обойтись без Господа. И теперь никто не мешает ему убивать и насильничать, а после ходить, задрав вверх нос. Вы думаете, что все поняли про человека. Что можете разобрать его и копаться внутри, как в механической игрушке, или разводить людей, как померанских шпицев, вычищая породу. Но вы забываете про главное. Человек – это создание Господа, и все мы в первую очередь дети Божии. А всякое дитя, даже злое и увечное, создано для любви и нуждается в ней. Через любовь, молитву, покаяние мы можем помочь этим несчастным спастись.

– Ой, ну только не начинайте опять! – доктор Груздь поморщился так, как будто у него заболел зуб. – Молитва бесполезна там, где нужна резекция коры головного мозга. Эдак мы к тому придем, что вместо скальпелей и пилуль будем со свечками стоять и лечить эпилепсию семикратным прочтением «Отче наш»! Вы подумайте только, «дети Божии»! А Ерохин? – Доктор поежился и вдруг, перестав паясничать,

серьезно взглянул на отца Глеба. — Ерохин, которого с вашей помощью в клинику и упекли. Он, по-вашему, тоже дитя Божье?

— Вполне. И так же, как прочие, заслуживает спасения.

— А я бы этого Ерохина... — и после небольшой паузы доктор процедил сквозь зубы: — пустил бы на препараты для анатомического театра. Располосовал бы, как лягушку, и выставлял бы в банке с формалином рядом с двухголовым теленком и прочими чудищами.

— Что же, значит, душевные болезни не щадят и психиатров. Увы. — Отец Глеб заложил руки за спину и принялся смотреть поверх головы доктора, как за окном собираются ранние сумерки.

— Психиатр, — презрительно повторил доктор. — Батюшка, вы же знаете, что мне не нравятся эти модные словечки, они отдают мистикой. Что до того, что я, по вашему мнению, тоже болен... Не сомневаюсь. Слишком долго я варился в этом бульоне. Но пока что белый халат ношу я, а не Ерохин, и значит, решать, кого и как лечить, тоже буду я! — Он с возмущенным пыхтением слез с подоконника, заставив половицы оглушительно закрипеть. — А вы и дальше можете возиться с вашими душегубами. На здоровье. Что вы там с ними хотели делать? Натаскивать сумасшедших, чтобы они помогали преступников ловить? Хе-хе. Ну давайте-давайте, Бог в помощь! Только знаете что...

Доктор не успел договорить, поскольку из-за двери послы-

шался незнакомый мужской голос, настойчиво спрашивающий в ординаторской про отца Глеба, а еще через секунду в дверь отрывисто постучали, и, получив приглашение, в кабинет осторожно заглянул полицейский надзиратель.

– Здравия желаю, ваше преподобие! – Полицейский, смущенно улыбаясь, мялся в дверях, чтобы не натоптать галошами в кабинете. – Батюшка, вас велено в управление сыска пригласить. Иван Дмитриевич просил поторопиться.

Священник и доктор недоуменно переглянулись и снова уставились на неожиданного гостя.

– А что вдруг за срочность? – настороженно переспросил отец Глеб. – Случилось что?

– Случилось, – полицейский не смог сдержать широкую улыбку, – еще как случилось. Муромцев из отпуска вернулся! Дело новое, убийства! И вас вызывают как консультанта!

Глава 6

Утро в городе Энске выдалось на удивление морозным. Если в Петербурге уже начиналась оттепель – пусть сырая и промозглая, но все-таки откровенно намекающая на весну, то здесь окончанием зимних холодов и не пахло. Снег валил, аки в самый разгар новогодних празднеств, и оставалось, судя по всему, не собирался. Завывания метели были слышны с самого раннего утра, будто поезд не просто проехал от столицы до Энска, а переместился во времени из предвесеннего сегодня в дышащее ледяным морозом былое, которое не сулило ничего хорошего. Ну или, уж во всяком случае, теплого и приятного. Впрочем, Муромцева определили на это дело не за его возможные «приятности», а как раз совершенно наоборот.

Окна вагонов заволокло изморозью, и рассмотреть, что там творится на приближающемся перроне, не представлялось никакой возможности. Однако Роман Мирославович, сидя у окна и привычным жестом потирая лоб, все равно пристально всматривался в едва различимые очертания выплывающего из-за снежной завесы города. Отец Глеб аккуратно поставил свой нехитрый багаж на сиденье ближе к выходу. Серые глаза священника ненадолго остановились на задумчивом лице попутчика. За время поездки мужчины перекинулись буквально несколькими фразами, и батюш-

ка отчетливо чувствовал, насколько сильно отдалился от него бывший коллега. Да и не просто отдалился. Пережитое несчастье оставило на бойком и некогда неудержимо деятельном сыщике чудовищную отметину. Почти невидную внешне, но отчетливо ощутимую для тех, кто знал Муромцева до ранения. Да и это постоянное напряжение во взгляде... Казалось, что Роман Мирославович так пристально всматривается и вслушивается в собеседника, так боится что-то пропустить или не понять, что, по сути, сам теряет возможность в эти моменты думать, реагировать, быть самим собой. И самое печальное, что он ведь и сам все это замечает, а оттого страдает еще больше.

Отцу Глебу хотелось как-то поддержать и утешить коллегу. Только как? Ведь одними добрыми намерениями здоровье поврежденному мозгу не вернешь, как и покоя мятущейся душе. Оставалась одна надежда: дай Бог, это жуткое дело, ради которого они прибыли в Энск, и правда поможет Муромцеву снова поверить в себя.

Прогудел залиvistый гудок, оповещающий, что поезд прибывает на станцию.

– Вот и приехали, – вздохнул священник, хлопнул себя по коленям и встал. – Ну что, Роман Мирославович, пора одеваться? Опять – ловить черные души?

– Не к спеху, – отозвался тот, продолжая смотреть в окно. – В тамбуре сейчас толкотня будет. Подождем малость, пусть рассосется.

– Так ведь нас там ждут. Поспешить бы.

– Поспешим. Но чуть погода. Поймаем черные души – и сделаем мир светлее. Никак иначе.

Муромцев отвел взгляд от белесого рисунка изморози на стекле, глянул на собеседника и пожал плечами:

– Вы, отец Глеб, идите, конечно, если считаете, что надо. Я не стану задерживаться более необходимого. Но в эту кучу-малу, увольте, не полезу.

Священник буквально физически ощущал, как Роман пытается от него дистанцироваться, отгородиться. Будто боится, что бывший коллега невзначай заметит за ним что-то неладное или стыдное. Про контузию говорить он также не захотел, когда отец Глеб со всей возможной вежливостью осведомился о здоровье. Муромцев только бросил сумрачный взгляд и с плохо скрываемым раздражением ответствовал, мол, уже все хорошо... почти.

«Эк же тебя, мил человек, покорежило-поломало, – подумал батюшка, огладив пышную бороду с редкими вкраплениями седины. – Ну ты держись, держись, Роман Мирославич. А я уж чем смогу... С Божьей помощью».

Покивав на слова собеседника и глубоко вздохнув, отец Глеб накинул овечью шубу, водрузил на голову меховую шапку, подхватил саквояж с пожитками и открыл дверь в коридор. В купе сразу ворвался шум множества голосов, до того слышный как нестройный гул. Священник оглянулся и успел заметить, как по лицу Муромцева волной прошла гри-

маса, будто внезапные звуки причинили ему боль. Но она так же быстро пропала, как и появилась.

– Прикройте за собой дверь, отец Глеб, будьте так любезны, – попросил сыщик. – А то этот гвалт...

Он покачал головой и снова стал смотреть в окно. Захлопнув за собой дверь, батюшка еще раз вздохнул и направился в сторону тамбура.

На перроне народу было не так чтобы много, но и не мало. Мороз немедленно стал щипать лицо, и это отчего-то тут же подняло отцу Глебу настроение. Священник усмехнулся, потер ладонью в толстой перчатке нос и стал озираться, ища «встречающую делегацию». Долго выискивать ему не пришлось. От здания вокзала слышалось зычное:

– Посторони-и-ись!

А через минуту из суматохи вынырнул невысокий толстенный мужчина в сопровождении четырех полицейских, активно расчищающих ему путь. Чиновник зябко кутался в пальто с меховым воротником, боярка из соболя была натянута почти до бровей, а торчащие из-под шапки круглые красные щеки наводили на стойкие ассоциации с Колобком из детской сказки.

Отец Глеб про себя хмыкнул и, поставив на землю саквояж, стал стягивать перчатку – для рукопожатия.

– С добрым утром вас, отче, – остановился поблизости «колобок».

– И вас также, господин...

– Вы же к нам из Петербурга прибыть изволите?

– Точно так...

– А где же из сыскной полиции?.. – не на шутку всполошился круглый чиновник, шныряя глазами вокруг священника. Выражение лица у него с каждой секундой становилось все растеряннее и испуганнее. Даже яркий румянец на щеках заметно угас. – Нам обещали прислать знающего сыщика, который с такими делами... Ох, что же делать-то теперь? Петр Саввич меня...

– Не надо так переживать, сударь мой, – сделал успокаивающий жест отец Глеб, стараясь привлечь мятущееся внимание собеседника. – Представитель сыскной полиции тоже приехал...

– Так где же он? – Глаза под бояркой сделались круглые-прекруглые.

– Еще из вагона выйти не успел. Там в тамбуре такая суматоха...

– Ой, слава Всевышнему! Какое облегчение, а то ведь Петр Саввич меня со свету... А вас, прошу прощения, как величать, ваше преподобие?

– Отцом Глебом величайте. А я с кем имею честь?

– Ох. Да-да-да. Простите. Со всеми этими страстями... Чайников. Иммануил Евсеевич Чайников. Чиновник по особым поручениям при его превосходительстве губернаторе Энской губернии полковнике Латецком Петре Саввиче.

– Весьма приятно.

– И мне, и мне... Так, а где же?..

– Доброе утро, господа, – раздался из-за спины священника голос Муромцева. – Роман Мирославович Муромцев, старший агент сыскной полиции...

– Рады-рады. Иммануил Евсеевич Чайников. Чиновник по особым поручениям. Идемте, господа, идемте скорее. Нельзя терять ни минуты. Там на площади у нас такое... Ох, спаси и сохрани!.. В жизни не видывал такого ужаса. Петр Саввич вне себя. Если вскорости не начнется работа... если не будет результатов... полетят головы. Как пить дать. Нельзя терять ни минуты. Ни минуточки. О Матерь-заступница!.. Вот сюда, пожалуйста.

Один из сопровождающих полицейских распахнул перед мужчинами дверцу слегка потрепанной, но все еще крепкой казенной кареты. Чайников, не переставая причитать, сделал приглашающий жест гостям, и те расположились на обитых сукном сиденьях.

– Ох, батюшки-святые, – кряхтел Иммануил Евсеевич, раскладывая полы пальто. – Видели бы вы, господа, какой там ужас творится. На площади. Я сколько лет тружусь при господине губернаторе, ни разу такой жути видеть не доводилось. И, дай бог, больше и не приведется... Ох ты, батюшки-святые! – вскрикнул «колобок», когда карету подкинуло на брусчатке. Запряженная в нее тройка неслась, похоже, со всей скоростью, на какую были способны кони. Видимо, ситуация и правда была прескверная.

– На вас вся надежда. Мы уж и не знаем, что думать и делать. Петр Саввич в таком дурном расположении духа... Никогда его таким не видел.

– Так что же, – вклинился в тираду чиновника отец Глеб, – неужто ваш губернатор такой изверг – чуть что, и головы с плеч снимает?

Лицо Чайникова вытянулось, а румянец окончательно исчез. Он замахал руками на священника:

– Что вы? Что вы? Нет-нет-нет. Петр Саввич для нас – луч сияния царского! Истинный хозяин губернии, защитник ея прав, ходатай у престола. Благодетель наш, творит добро и в благе вверенного им края видит собственное.

– Ух ты! – не удержался даже Муромцев.

– Истинно так, господа. Истинно так, – уверенно закивал «колобок». – Только вы ж понимаете, мы в таком затруднительном, я бы даже сказал, удручающем положении оказались, что и стальные нервы его превосходительства уж еле держатся.

– Так а что именно у вас тут приключилось? Я прочел все отчеты, которые вы в Петербург прислали, но вы же понимаете... – Роман Мирославович доверительно посмотрел в глаза чиновника, – сведения из первых рук ни в какое сравнение...

– Да я с дорогой душой! Конечно! Только я что-то знаю лишь о последнем инциденте... а которые до того – только в общих чертах.

– И отлично! Отсюда и начнем. Мы же как раз на место преступления едем, верно?

– Да-да. Сегодня утром околоточный нашел... тело.

– Известно чье?

Тут карету снова тряхнуло, да так, что уже и сыщик со священником щелкнули зубами. Чайников остервенело задергал шнурком, который был привязан к колокольцу рядом с возницей, и сварливо прокомментировал:

– Вот же усердный болван. Сказал ему нестись со всех ног. Так он угробить нас удумал... О чем бишь я? Ах да... В общем, тело. А голова рядом положена. И без глаз.

На последних словах Чайников выпучил глаза, будто старался усилить эффект от сказанного. Сыщик со священником переглянулись и кивнули, но каких-то особых эмоций высказывать не стали. Иммануил Евсеевич чуть расстроился их бесчувственности, но продолжил:

– Опознали не сразу. Но похоже, тоже околоточный наш. Который ночью дежурил.

– Какие-то еще особенности были на теле, кроме головы и глаз?

– Вроде бы нет. Но тут не поручусь.

– А...

Задать следующий вопрос Роман Мирославович не успел. Карету снова сильнейшим образом тряхнуло, и она встала. Дверца распахнулась, и давешний полицейский жестом предложил пассажирам покинуть свои места.

– Вещи оставьте, – сказал Чайников, – мои молодцы их доставят в ваш номер.

– Один на двоих? – с заметной долей удивления поинтересовался отец Глеб. Но ответа получить не успел – Муромцев подхватил его под локоть и потащил за собой.

Огромная городская площадь в будущем, очевидно, должна была стать красивой и величественной, но пока здесь шел грандиозный ремонт. На стене трехэтажного кирпичного здания красовалась грандиозного масштаба недоделанная роспись, на которой был изображен государь в парадном мундире, склоняющийся вперед, будто собирающийся принять в свои объятия вторую фигуру – статного полковника в форме кавалериста. Пару обрамляли гораздо меньшего размера люди – разношерстная толпа из священников, солдат, баб, мужиков, стариков и детей. Однако роспись, как и вся площадь, была откровенно сырой – фигура кавалериста едва прописана, а окружающие центральных героев восхищенные зрители только-только намечены углем. В центре площади, похоже, должен был в итоге возвышаться величественный мраморный фонтан. Но пока что от него тоже можно было увидеть лишь основание, кое-где уже облицованное камнем красивого молочно-белого цвета.

Под ногами, если бы не заморозки, чавкала бы серая грязь, так как брусчатку еще не положили. Везде стояли ящики, валялись кирпичи и доски. Все это зрелище наводило тоску и оторопь, как раздетый труп важного начальника.

– Это, я так понимаю, убитый, – произнес Роман Мирославович, кивнув в сторону панно. На земле, прямо «под ногами» государя-императора, лежало что-то, формой напоминающее человеческое тело, накрытое серовато-белой тканью.

Рядом же с ним стоял коленопреклоненный мужчина, подозрительно напоминающий изображенного на картине кавалериста. Судя по подрагивающим плечам и общей скорбной позе, мужчина рыдал. Рядом толпились журналисты, что-то записывая. Слышались щелчки камер, то и дело с треском загорался магний вспышек.

– А это его превосходительство, – с благоговением воззрился на коленопреклоненного «кавалериста» Чайников. – Петр Саввич Латецкий. Как убивается-то, сердечный.

Будто услышав, что его представили, Петр Саввич повернул голову к вновь прибывшим. Пружинистым движением поднялся с колен без чьей-либо помощи, тем самым продемонстрировав свою отличную физическую форму, и отдал несколько коротких распоряжений. Что именно он сказал, слышно не было, но репортеры немедленно ретировались, а рядом с губернатором образовался широкоплечий становой пристав лет пятидесяти. Он вручил начальнику перчатки, которые тот неспешно и надел, подходя к гостям.

– Доброе утро, господа, – поприветствовал Латецкий сыщика и священника и окинул их влажным доброжелательным взглядом. – Какая трагедия! Шестая жертва. Шестая!

Но на сей раз злодей покусился на святое. Во-первых, погиб представитель власти, ветеран балканской кампании, городская знаменитость. Во-вторых, это произошло у местной святыни – площади Победы, прямо перед ликом государя, пусть пока и незавершенным. Злочинец хотел покуситься на самое сердце нашего края, осквернить...

– Хватит патетики, ваше превосходительство, – перебил его Роман Мирославович, – газетчики уже ушли.

«Колобок» Чайников еле слышно охнул и огромными глазами уставился на говорящего, видимо ожидая, что на голову сего непочтительного хама немедленно обрушится кара Господня. Однако этого не случилось. Губернатор всего лишь с некоторым удивлением глянул на Муромцева, затем чуть усмехнулся и кивнул:

– Пардон, господа. Сразу перестроиться бывает непросто. Что ж, приступим. Полагаю, большая часть информации вам уже известна из отчетов, каковые мы отправили в столицу.

– Так точно.

– Хорошо. В таком случае... Чертыбашев, доложи господам следователям, что у нас есть по последнему случаю.

Становой пристав коротко взял под козырек и отрапортовал:

– Убиенный – Ермолай Дулин, околоточный надзиратель. В ночь нес вахту тут, на площади Победы. Как и кто его умертвил, никто не видел... Ну или пока свидетелей не нашлось. Тут фонари еще не поставили, так что темень...

– Но здесь будет грандиозное освещение, когда закончатся ремонтные работы, – вставил губернатор и мило улыбнулся.

– Ну да. Значит... утром тело обнаружил другой околочный, который пришел на смену Дулину.

– А для чего здесь часового выставять? – поинтересовался отец Глеб.

– Дык материалы покрасть могут. Народишко тут случается шибко ушлый, а покрасть есть что. – Пристав стал загибать пальцы: – Стекло для мозаик, мрамор для фонтана, глина белая для лепных украшений, краска, дерево... Художники-то сюда все принесли, чтобы...

– Материалы после убийства проверяли? Все на месте? – резко спросил Муромцев.

– Проверили, так точно. Все на месте, даже холстина не тронута, которой накрывали. Я предложил сургучом все опечатать. Ящики, там, бочки с краской.

– Отличная работа, пристав, – похвалил Роман Мирославович и улыбнулся. Как помнилось отцу Глебу, впервые с момента, как они снова встретились. – Оцепление с площади не снимать. Тело отвезите в морг. И пусть там приготовят тела остальных убитых таким же образом. Сколько их?

– Шестеро, – внезапно перехватил инициативу губернатор.

Сыщик с некоторым удивлением посмотрел на Петра Саввича – у того с лица полностью пропало все благолепие, рас-

троганность и мягкость. На месте преступления стоял холодный, собранный военный, для которого сложные ситуации были далеко не в новинку.

– Крючник Пантелей Сизов, – продолжал между тем Латецкий, – гимназистка Екатерина Белокоптцева, домохозяйка Ганна Нечитайло, желтобилетница Вера Никонова, ее любовник беглый каторжник Иван Непомнящий и Ермолай Дулин – местный околоточный. Ничего их не объединяет: знакомы не были, проживали в разных частях города, связей обнаружить не удалось.

– Благодарю, Петр Саввич, – с уважением склонил голову Муромцев. – Значит, нам придется выяснить, что все-таки у этих шестерых общего. Во всяком случае, для убийцы.

Глава 7

Городской морг Энска располагался в полуподвальном помещении на цокольном этаже полицейского отделения, соседствующего с пожарным корпусом. В помещениях у морга, судя по всему, недостатка не было никакого. Идя по тускло-вато освещенному коридору, Муромцев обратил внимание, что некоторые из дверей явно давно не открывались, а за половиной поворотов было наставлено всякое оборудование, которым если и пользовались, то крайне редко.

И хотя вокруг было относительно чисто, сыщика не покидало ощущение, что управляется это место без особого рвения. Скорее, по необходимости и «так положено», чем из каких-то иных побуждений. В общем, на то, что здесь можно будет получить какую-то неожиданную информацию, рассчитывать не стоило. Хорошо уже будет, если местные эскулапы окажутся хоть мало-мальски полезными.

– Сюда, пожалуйста-с, – произнес встретивший Романа Мирославовича сотрудник морга и распахнул перед ним дверь с надписью: «Прозекторская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.